

18+

Мария Урих-Мащина

О ВОЙНЕ,
О ЛЮБВИ

Стихи и Проза

Мария Урих-Чащина

О войне, о любви. Стихи и проза

«Издательские решения»

Урих-Чащина М.

О войне, о любви. Стихи и проза / М. Урих-Чащина —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-986907-4

В этой книге есть по-своему уникальная информация — стихотворения, написанные девочкой-школьницей, Элеонорой Урих, современницей Великой Отечественной Войны. Элеонора была сестрой моего дедушки. Наша семья, страдая от репрессий, голода и лишений, вынуждена была переезжать с места на место. Именно так мы и оказались в Самарканде. «И ваше геройство, и вашу отвагу, И храбрость в жестоком бою — Пусть чтут ваши внуки и правнуки ваши, И песни во славу споют!»

ISBN 978-5-44-986907-4

© Урих-Чащина М.
© Издательские решения

Содержание

К читателю	6
2020 год	7
Мария	7
2016	9
Елена	9
О ВОЙНЕ...	13
1941—1945 гг	14
Нина	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

О войне, о любви

Стихи и проза

Мария Урих-Чашина

Елизавета Игоревна Чашина *Иллюстратор*

Илья Игоревич Чашин *Иллюстратор*

Иван Игоревич Чашин *Иллюстратор*

Игорь Владимирович Чашин *Фотограф*

© Мария Урих-Чашина, 2020

© Елизавета Игоревна Чашина, иллюстрации, 2020

© Илья Игоревич Чашин, иллюстрации, 2020

© Иван Игоревич Чашин, иллюстрации, 2020

© Игорь Владимирович Чашин, фотографии, 2020

ISBN 978-5-4498-6907-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

К читателю

Перед Вами, уважаемый Читатель, не художественное произведение. Это воспоминания нескольких поколений женщин нашей семьи. Воспоминания о жизни до и во время войны.

Жизнь каждой из них безусловно заслуживает отдельного, более внимательного взгляда, более тщательного изучения деталей, и каждая история жизни – облачения в куда более серьёзные художественные формы, нежели такой вот формат дневника.

Жизнь любой из нас разделилась на «до» и «после». До Великой Отечественной Войны и после неё. Многим в нашей стране бабушки и дедушки рассказывали о том, как было тяжело, страшно и голодно. Не только взрослым приходилось становиться сильнее и выносливее. Но и детям приходилось становиться взрослыми. Дети работали на заводах, в тылу, испытывая лишения, трудности, одиночество.

Да, одиночество. Ведь, зачастую дети оставались одни. Спасённые от голода тёплым южным гостеприимством, дети, в то же время, лишались отцов, ушедших на фронт, матерей – умерших от тяжелых болезней. Распадались семьи – рассыпались, как горошины, по сёлам и деревням; по детским домам и интернатам распределяли детей, разлетались осколки разбитой семьи. Горько, больно. Но нужно жить дальше. Спасать Родину от фашистов. Бороться, трудиться, верить и ждать Победы.

К некоторым стихотворениям мои дети нарисовали картинки, которые, как им показалось, подходят для формата этой книги.

2020 год

Мария

Недавно была у мамы. Разбирала шкаф. Интересный это шкаф: дубовый, огромный, метра два с половиной, с особым запахом, со своим микроклиматом. Шкаф этот похож на дом, целый дом, с фасадом, крыльцом, массивной крышей. Полый внутри, способный вместить взрослого человека в полный рост. И никаких тебе рюшечек-кружавчиков. Серьёзный такой предмет, сколоченный из крепких досок. Из украшений – только реечки по фасаду, резьба на углах, да тонкие ажурные металлические ручки на двух ящиках внизу шкафа, никак не вяжущиеся с монументальностью всей конструкции. Мой прадед сколотил его когда-то для бабушки, которую боготворил и окружал её удобными, сделанными с любовью, вещами. Надёжными, как и сам Георг, Георгий Адамович, мой прадед.

Дед снабдил шкаф кронштейнами на шарнирах, на которые сразу, без плечиков, можно было повесить платье, пальто. И если удавалось заполнить его нутро полностью, можно было представить себе, что находишься в театральной костюмерной, где найдётся наряд и для королевы и для шута. Ящики же представляли собой предмет особой гордости моей прабабушки, поскольку маленьким детям, слабым женщинам и субтильным юношам открыть их не представлялось возможным. Но бабушка, женщина не только необъятных габаритов, но и невероятной силы, с лёгкостью выдвигала ящики и хранила там документы, деньги, семейные драгоценности, письма и свидетельства о смерти двух старших детей, погибших трагически в юности.

Эдакий надёжный, немецкой выделки, , хоть и без кодовых и амбарных замков. Но уже и я, родившись, сразу знала, что лезть в нижние ящики нельзя, даже если очень хочется! Нельзя, и всё тут! **шкаф-сейф**

Мои прабабушка и прадедушка, будучи немцами, подверглись депортации из районов Поволжья. Жителей выгнали, назвав опасными элементами, вывезли – с глаз долой – в отдалённые районы Сибири, Казахстана и Средней Азии. Людям было отдано распоряжение подготовиться к переселению в течение 24 часов и прибыть в пункты сбора, взяв с собой только самое необходимое. Бабушка Гермина взяла мешочек с засушенными травами, в которые верила больше, чем в пилюли, микстуры, заговоры и молитвы, и машинку Зингер, которую, взгромоздив на спину, так и пёрла всю дорогу, буквально не выпуская из рук. Бог знает, каких трудов и здоровья ей это стоило, а только годам к шестидесяти и спина и ноги отказались ей служить -она уже почти не ходила, даже готовила сидя на табуреточке. Мама рассказывала, что помнит бабушку именно такой. Табуретка в центре кухни, рядом стол, недалеко плита и внучка в подмастерьях-поварятах. А поясница, вечно замотанная в шерстяной платок, напоминала о её подвиге. Но долгое время ещё бабушка кормила всю семью, обшивая местных модниц и вылечивая кашель-сопли-чесотки-поносы своими чудодейственными травами.

этот – излюбленное детей и кошек. Сколько видел он на своём веку обиженных страдалцев, маленьких сказочников и новорождённых котят! Сколько удивительных нарядов имел честь хранить в своём чреве, сколько разных запахов в себя впитал, сколько переездов претерпел! В этот шкаф пряталась Эля, Элеонора, Элен! Милое, юное, хрупкое создание с огромными синими глазами! Единственная девочка, опекаемая и оберегаемая всеми, Элеонора, к сожалению, не отличалась хорошим здоровьем. Она часто и подолгу болела. Редко выходила из дома. Проводила время, помогая матери по-хозяйству, читая книги и сочиняя стихи! Ей, такой страстной натуре, хотелось спасти весь свет: от болезней, страданий и войны! Она решительно заявляла, что пойдёт санитаркой на фронт. Будет бороться в тылу за жизнь раненых –

перебинтовывать их раны, ставить уколы и читать свои стихи! А еще Элеонора мечтала, как станет великой поэтессой, будет известна на весь мир, а томики её стихов поселятся в книжном шкафу каждой квартиры каждого жителя Советской страны. **Шкаф убежище**

Тетрадку со стихами Элеоноры я нашла в тех самых нижних таинственных ящиках. В том самом хранилище, куда бережно складывали все документы нашей семьи. И подумала я, что эти стихи непременно должны увидеть свет, особенно в преддверии великого праздника, дня Победы!

2016

Елена

Стоял один из тех прекрасных солнечных весенних дней, когда в душе просыпается невероятное, забытое за долгую унылую зиму, ощущение счастья. Лена смотрела в окно поезда, за которым, постепенно набирая обороты, неслась в противоположном направлении чудесная поляна, покрытая ярко-зелёной травой с вкраплениями синих, жёлтых и красных пятнышек. Через несколько мгновений поляна сменилась лесом. Лес Лена любила. Правда не такой, как тот, который стремительно промчался мимо. Тот лес был полон валежника, колючих, торчащих во все стороны веток, и каких-то неопрятных, покрытых свисающими лохмотьями прошлогоднего мха, деревьев. Лена подозревала, что именно в таком тёмном, неприглядном, него-степриимном лесу и водились медведи, лоси, а заодно и привидения.

Девушка с удовольствием прижалась лбом к еще прохладному стеклу окна, подставляя лицо утренним лучикам майского солнца. Каждое утро она ездила на учебу в город. Уже привыкла к неудобным скамейкам пригородных поездов, но никак не могла привыкнуть к некоторым пассажирам, которые любили громко, нарочито громко высказать свое мнение по тому или иному вопросу.

Вот и сегодня парочка замороженных философов-скинхедов или неонацистов (Лена не особо разбиралась, просто так их называли пассажиры на соседней скамейке) рассуждали громогласно о том, как было бы здорово, если бы в той войне, второй мировой, победила Германия. Гитлеровская Германия. Фашистская Германия.

– Вот вы все тут едете и жалуетесь, – выкрикнул один из них, лысый парень в кожаной куртке, – все жалуетесь на жизнь! И пенсия у вас маленькая, и еда поганая. А если бы победил Гитлер, – он картинно обнажает плечо, демонстрируя татуировку в виде свастики, – то был бы у нас здесь порядок. И пенсию нарисовали б вам высокую, как там, в Германии у стариков, и у нас работа была бы с полным соцпакетом! Воевали-защищали! Кого вы защищали, ради чего? Чего вы добились?

– Что ты, внучек, что ты! – решила ответить одна из пожилых женщин, сидящих неподалёку от оратора, – разве можно так говорить! Это же кощунство! Наверное, у тебя дедушка воевал! Родину защищал, а ты...

– Родину?! А я просил такую Родину, которая будет плевать на меня? Я просил? Я, может, с удовольствием бы в Германии сейчас жил: получал бы там нехилое такое пособие по безработице, пиво нормальное пил, а не мочу, как здесь, по ровным дорогам бы ездил! Да меня бы в любую страну на раз пускали без всяких там виз! Да за радость бы почли, чтобы я, такой вот гражданин, приехал, их навестил! А сейчас – что? – распалялся всё больше лысый, – Я должен, как попрошайка, просить визу, доложить им подробненько на кой она мне и зачем я туда еду, а они, твари, еще и отказать мне могут! Вы этого добивались??? А тут еще понаехало...

Лысый уже орал. Его горячо поддерживали хмельные товарищи, подкрепляя свои возгласы отборным матом и попинывая скамейки и стены поезда.

Лена сжалась. Ей вдруг показалось, что в вагоне резко похолодало. Она озябла и поежилась. Стало так противно, что вот эти детины, дожив до своих почти что седых голов, так и не осознали, что не исключительны. Странно, что эти скинхеды, научившиеся брить башку, пить пиво и орать матом, так и не прониклись простой истиной: участь всех завоёванных народов плачевна.

Лене вспомнился недавний разговор с кошмарным, но совершенно необразованным демагогом – соседом Жоркой, который тоже, сидя на кухне их небольшой коммунальной квар-

тиры, разглагольствовал о том, как славно и кудряво ему сейчас бы жилось в фахверковой Германии. Как отменно пил бы он глинтвейн, сидя на веранде своего домика и глядя на Шварцвальдский лес, поедая бы одноимённый торт. И всего этого он сейчас лишён только лишь потому, что «наши, зачем-то, кинули в эту молотильню своих ребят, вместо того, чтобы сразу сдаться, как многие Европейские страны».

– Жора, да что ты такое говоришь? Ты в своём уме? Опомнись? –призывала соседа Лена, – ты историю в школе учил?

– Ну, учил, – отвечивал Жора, – и чё?

– А то! Давай к финнам. Их в тысяча сто каком-то захватили шведы. И что ты думаешь? Кинулись их любить, жалеть, холить и лелеять? Нет! – Лена так стукнула кулачком по столу, припечатывая своё «Нет», что Жора вздрогнул от неожиданности, – Финны у шведов были рабами, особенно простые люди, вроде нас с тобой.

– Рабами, может и были, но не все и недолго, думаю я! – пожал плечами Жора.

– Недолго? – взвилась Лена. 650 лет они были рабами! 650 бесконечных лет! Шведы не подпускали финнов к государственной службе, считали их людьми второсортными. Им разрешалось пахать и воевать. Они мало мальски грамотными стали веке только в 17-м.

– Ой, да ладно, Ленка. Я тебе про Фому, а ты мне про Ерёму. Неинтересно мне про финнов.

– Хорошо, про финнов неинтересно. А про испанцев – интересно?

– А чего там с испанцами не так? –вдруг заинтересовался Жорка.

– А того! Пришли к ним в 8 веке арабы и сказали, что теперь они там будут самые главные! Кордовский халифат на ближайших 800 лет себе организовали. Конечно же, они и близко к трону не подпускали титульное население, правили сами. Правда, были весьма великодушны и позволили людям выбирать: либо принять ислам, и платить только поземельный налог, либо остаться христианином, но платить ещё и подушную подать, – Лена почувствовала себя взрослой и умной. Преподаватель за кафедрой в университете – ни больше ни меньше! Удивительно, что Жора не знает таких простых вещей.

– Вообще тем испанцам с теми арабами страшно повезло! – вошла в раж Лена, – они отличались невероятным благородством и завоевали сердца этого покорённого народа.

– Ну и что они такого благородного выдали, что всем понравилось? –заинтересовался Жора.

– Арабы были уверены, что нужно шадить слабого, сдерживать данное слово и быть великодушным к побеждённому, – закончила торжественно Лена.

– Вот, Ленка, не все так плохо. А ты говоришь...

– Жора, ты хочешь сказать, что и с планом Ост не знаком? Не читал?

– Ой, ша, женщина, не дави интеллектом! Будет! Разумничалась тут! – Жорка уверенно поднялся и направился в свою комнату, всем своим разболтанным и растрёпанным видом давая понять, что ему все равно, разговор окончен и он останется при своём.

Лена очнулась от своих мыслей. Вспомнила, что сидит в электричке. Услышала как раз завершающийся лозунгами монолог неонациста-скинхеда:

– Мы за чистую Россию! Мы за чистую нацию! Мы будем бороться до конца! Закончим дело Гитлера!

Тут Лена не выдержала. Не могла больше терпеть. Да сколько же можно это слушать! Она поднялась во весь свой рост, вышла на середину прохода, встала держась за скамейки. Чувствовала, как слабая рука пожилой женщины тербит её локоть.

– Девочка моя, не связывайся! Сколько их ещё будет, недоумков. Всех не переспоришь.

Лена дернула локтем, отмахиваясь от женщины. Она почувствовала, что перед глазами встала пелена ярости.

– Вы, там! Закройте свои рты! – выкрикнула Лена, чувствуя, что ей страшно и подгибаются колени, и дрожат пальцы.

– Ты – нам, солнышко? – засмеялись парни, подходя ближе к неожиданно смелой девушке и оглядывая с ног до головы.

– Вам! Я-вам! Закройте рты! Вас бы сейчас здесь просто не было! – Лена чеканила каждое слово. – Ни вас, ни ваших родителей! Санкт-Петербург был бы местом жизни истинных арийцев из германского народа, коими вы не являетесь. Если бы в ваших бабушках и дедушках заподозрили наличие еврейской крови, их бы ликвидировали еще до распределения. При самом хорошем раскладе ваших предков просто выслали бы в Сибирь. И еще большой вопрос, смогли бы встретиться там ваши мама с папой и, как следствие, появиться вы! Вы должны руки целовать бабушкам и дедушкам, которые воевали в той ужасной войне. Они подарили вам возможность жить мирно в своей стране!

– Они подарили вам жизнь! – выкрикнула Лена как можно громче. Слишком громко! Казалось, её услышали даже в соседних вагонах. Эта фраза прозвучала, как последний аккорд в песне. Аккорд, которым ставят точку в грустном произведении. Как оставшаяся на щеке после горьких слёз капля – когда плакать уже нет сил. Как одинокая утренняя росинка, упавшая с листа на сухую песчаную почву.

Пожилые женщины, расположившиеся на соседних местах, испуганно и как-то отрешённо ждали ответа от нацистов-скинхедов.

Лена села, чувствуя себя совершенно разбитой и опустошённой. Почему, думала она, люди никогда не делают замечания таким вот великовозрастным недорослям, которые всегда говорят о том, кто и что им должен, но никогда не помнят о своих обязанностях? Неужели боятся? Но ведь этих немногочисленных дураков можно легко свернуть в бараний рог. Главное, говорить и действовать сообща. Нужно объяснить им, что они не правы. Они просто не знают, не читали...

В вагон зашли контролеры. Их было трое. Двое мужчин, один из которых встал у дверей, второй пошёл вдоль правого ряда проверять билеты. И женщина. Она проверяла билеты у левого ряда. Скинхедов как ветром сдуло. Вероятно, они успели заметить контролёров в соседнем вагоне и драпанули вперед, в следующий вагон.

– Ваш билет, пожалуйста! Куда едете? – женщина-контролёр легко тронула понурую девушку за плечо. Лена подняла голову.

– Девушка, вам плохо? – контролёр обеспокоенно смотрела на бледную Лену.

– Нет, нет! Всё хорошо! Вот, пожалуйста, – Лена достала из кармана свой билетик.

– Вы точно в порядке? – женщина бегло взглянула на билет и еще раз внимательно посмотрела на Лену.

– Да! Спасибо! Я в полном порядке! – улыбнулась Лена.

Дома Лена писала своей подруге:

«...Довольно часто я становлюсь невольным свидетелем разговоров (на улице, в метро, в пригородных электричках) молодых людей, которые рассуждают о том, как было бы здорово, если победила бы в той войне Германия. Заметьте, милые мои, фашистская Германия, Германия Генриха Гиммлера и Адольфа Гитлера.

– Ах, -говорят они, глядя с мечтательными улыбками на Запад, а именно, его экономический центр, Германию, – нам бы в нашей Рашке порядок, как в Германшке навести. Победил бы Гитлер в той войне, всё было бы сейчас хорошо у нас. И пускали бы нас везде, и зарплаты были бы в евро и гораздо выше, и санкции уже накладывали бы мы, а не на нас...

Скажу честно, никогда не лезла в чужие разговоры и жизни молодёжь не учила, а тем более, не бралась перевоспитывать, поскольку считаю, что дело это бесполезное и неблагоприятное. Детей надо воспитывать родителям и пока они, как в народе говорят, попереёк люльки, а советы давать вообще только платно, тогда есть шанс, что им будут следовать. Но ужа-

сает вот это сложившееся в некоторых кругах молодёжи мнение. Почему-то, не утруждая себя девочки и мальчики попыткой найти в интернете информацию о Генеральном плане Ост. Ознакомились бы, почитали о планах Гитлера и Гиммлера. Может, розовые очки и слетели бы.

И вот еще: как же коробит вот это небрежное отношение к словам, к странам, а, соответственно, к людям, в них живущих: рашка, финка, гермашка. Их даже не хочется писать с большой буквы, поскольку со странами у меня эти, с позволения сказать, слова, никак не ассоциируются. Пока такие вот мыслители и мечтатели будут продолжать жить в рашке и с завистью смотреть на финку и гермашку, поминая при этом Гитлера, уровень жизни в их стране не поменяется. Потому что нужно уметь уважать не только свои желания и чаяния, а и целый пласт (и не один) культурной, политической и экономической жизни людей, живших когда-то и живущих сейчас на этой территории».

О ВОЙНЕ...

Нам это спокойно и чётко
Сказала Советская власть.
Получена первая сводка...
Товарищ! Война началась!
(Юрий Инге, 22 июня 1941 г.)

1941—1945 гг

Нина

Такой незаурядной была ее жизнь!

Спасаясь от голода, семья переехала из Тамбовщины в Среднюю Азию, под Самарканд, поближе к солнцу, фруктам и дальней родне, что помогла-приютила на несколько недель.

Помню, баба Нина рассказывала, как с утра, встав ранехонько, отправлялась с братьями на речку, не речку даже, так – веселый звонкий ручей. Отправлялась раздобыть завтрак, наловить маленькой рыбешки, переливчатой, с розовыми боками, маринки. Я в детстве никак не могла взять в толк почему бабушка ловила именно «Маринок» и уточняла, абсолютно ли она уверена, что в речке не водились «Валентинки», «Таньки», «Надьки»? Бабушка отвечала, улыбаясь, что такие, почему-то не попадались.

Стоит маленькая Нина босиком на берегу, на холодной, покрытой утренней росой траве. Зябко. Девочка прячет то одну руку, то другую на животе, под мамин платок, завязанный поверх летнего ситцевого платья крест-накрест. Обувь летом почти никогда не надевали. Не на что было даже простенькие сандалии купить. А летом можно и так – тепло же!

Но утром ногам было холодно стоять на мокрой земле. Ногам-холодно, глазам-сонно. Речка мелкая, вода в ней чистая прозрачная, бежит по камушкам, нежным переливчатым говорком своим баюкает. Так и хочется Нине лечь на траву – пусть мокрую, пусть холодную – ноги под себя поджать, руки под мамин платок спрятать, свернуться улиткой и уснуть!

Но, нельзя! Нужно поймать хотя бы штук десять. Не можем она с пустым ведром вернуться. Дома ждут с уловом!

Бесхитростный улов («На червяка, конечно!. На мякиш тоже можно!»), триумфальная победа, добыча, сложенная в алюминиевое ведерко, делилась дома поровну – людям, котам. Кот Васька, матерый, рыжий, с порванным левым ухом, вожак прайда – не побоюсь такого лестного для наших драных питомцев, сравнения – ел первым. Хищно порывкая и мурлыкая одновременно, похрюкивая от удовольствия и клацающая зубами, Васька съедал большую часть отваленных ему голов. И не успокоился бы, пока не прикончил весь улов, если бы не моя бабушка. Ей приходилось отгонять и запирать этого ненасытного верзилу в чулан, где он неистовствовал несколько минут, за которые Дуська и Мурка успевали съесть свою долю.

Нина не очень-то любила рыбу на завтрак – какой —то неправильный тон задавала начинавшемуся дню эта совсем не утренняя трапеза. Но чувство гордости за этот ежеутренний маленький подвиг, грандиозный успех у кошек и признание ее главной хозяйкой котом Васькой, благодарность в глазах матери – все это помогало девочке перетерпеть надоевшее рыбное послевкусие.

Сколько лет ей тогда было? Не помню, хоть она и говорила! Восемь, десять, может больше?

Позже, в конце февраля 1943 года, в свои тринадцать, в этот чудный, капризно-нетерпимый, остервенело-истеричный, одновременно застенчивый возраст, когда девочкам положено иметь угловатые формы и испорченное настроение по 18 раз за день, когда влюбленность случается мгновенно и длится целых три дня, когда краска заликает лицо по поводу и без, когда просто жизненно необходимо носить новенькие ситцевые платья и ленты в косах, Нина стояла у станка, выпиливая какую-то резьбу на деталях для двигателей тракторов, а металлические, алюминиево-чугунные стружки, отлетая, резали тонкую кожу нежных девичьих пальчиков и ладошек. Шрамы остались на всю жизнь – глубокие, длинные, нестираемые воспоминания о раннем взрослении, об ужасах войны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.